

Е.Н. Щепкин как историк (1860-1920)

Константин Павлович Добролюбский, выдающийся историк, оставил воспоминания, которые только в этом году увидели свет. Не о многих своих современниках он говорит с таким пиететом, как о профессоре Е.Н. Щепкине, в честь которого Одесса, скорбя по неожиданной смерти Щепкина, переименовала улицу Елизаветинскую в улицу Щепкина.

В архиве К.П. Добролюбского сохранился оттиск специальной мемориальной статьи, посвященной учителю. И хоть политические взгляды Щепкина могут сегодня кого-то удивлять, а то и раздражать, но память о нем как о выдающемся ученом должна храниться в наших сердцах.

12-го ноября 1925 г. исполнилось пять лет со дня безвременной и внезапной смерти профессора Евгения Николаевича Щепкина. В его лице мы лишились не только крупного ученого-историка, выдающегося педагога и образцового лектора, но и видного общественно-политического деятеля и незаурядного оратора. Талантливый и разносторонне одаренный, Евгений Николаевич Щепкин и по своему происхождению принадлежал к богатой талантами фамилии, вышедшей из самых народных низов. Он был внуком знаменитого артиста Михаила Семеновича Щепкина (1788-1863), сына дворового человека и управляющего графа Волкенштейна (Курской губ.). Один из сыновей артиста М.С. Щепкина — Николай Михайлович (1820-86), издатель и московский общественный деятель, и был отцом Евгения Николаевича. Братьями последнего являются известный славист Вячеслав Николаевич и бывший видный московский деятель и активный кадет Николай Николаевич Щепкин.

Основные моменты научно-педагогической деятельности Е.Н. Щепкина, на основании бумаг Университетского архива и его краткой автобиографии, написанной им в 1920 г., за несколько месяцев до смерти, вырисовываются в следующем виде.

Родился Е. Н. 13-го мая 1860 г. Среднее образование получил в немецкой школе в Москве. Сдав экстерном экзамен на аттестат зрелости, он в 1879 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Участвуя в студенческой жизни (в 1880 г. он был старостой 2-го курса), Е. Н., по его собственным словам, "примыкал к конституционному течению среди профессуры, возглавлявшемуся проректором А. Муромцевым, проф. М. Ковалевским, ректором Тихонравовым и др. В декабре 1880 г. был арестован со всей сходкой, собранной студентом

П.Н. Милюковым". По окончании в 1883 г. университета, Е. Н. был оставлен на частную стипендию для подготовки к профессорской деятельности по кафедре всеобщей истории. По сдаче магистерского экзамена по всеобщей и русской истории и по политической экономии, он был зачислен 2-го июня 1892 г. приват-доцентом историко-филологического факультета Московского университета. Преподавательская же деятельность его в средней школе началась еще в 1886 г. С лета 1893 г. по 1897 г. Е. Н. пробыл четыре года в заграничной научной командировке, работая в архивах и библиотеках Вены, Берлина и Копенгагена и изучая "вопрос об иноземных влияниях на русскую историю". Плодом изучения им архивных материалов по дипломатической истории семилетней войны и по истории Лже-Дмитрия I и древнескандинавских памятников и явились главные его работы о русско-австрийском союзе, о личности Лже-Дмитрия I и о русско-варяжских отношениях.

По возвращении из научной заграничной командировки Е.Н. Щепкин был неполный год (с конца 1897 г.) исправляющим должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории в Нежинском историко-филологическом институте, а с осени 1898 г. переводится на ту же кафедру в Одессу, в Новороссийский университет. В высших учебных заведениях г. Одессы и протекала почти вся профессорская деятельность Е. Н. (1898-1920). В начале 1902 г. Е. Н. защитил в Московском университете свою магистерскую диссертацию "Русско-австрийский союз во время Семилетней войны 1746-1758 гг.". Из Одессы он получил еще три летних научных командировки за границу: в 1899, 1901 и 1904 гг. Последняя командировка была испрошена им в Париж для работы в Национальной библиотеке по вопросу о походе Наполеона I в Россию в 1812 г., о чем предложили ему написать редакторы английского издания общей истории нового времени "Cambridge Modern History", в IX т. которого и появилась в 1906 г. соответствующая статья Е. Н. Осенью 1902 г. Е. Н. принимал участие в трудах комиссии Ванновского по преобразованию высших учебных заведений.

С конца 1904 г., вместе с развитием революционного движения в России, Е. Н. Щепкин "стал втягиваться", как он сам говорит, в общественно-политическую жизнь, что и привело скоро к его удалению из университета. Не останавливаясь здесь на его общественно-политической деятельности, отметим лишь связь ее с вопросом о дальнейшей работе его в университете. С осени 1905 г. он состоял членом профессорской коллегии, управлявшей автономным университетом. Когда же в апреле 1906 г.

Е. Н. Щепкин был избран депутатом от Одессы в 1-ю Государственную думу, то группа профессоров (в частности, Н. Ланге, Е. Васьковский, Н. Лысенков, А.Я. Шпаков, Б. Ляпунов, В. Циммерман) возбудили ходатайство об оставлении его профессором Новороссийского университета в виду его "выдающихся заслуг, как профессора и общественного деятеля". Совет университета поддержал это ходатайство (большинством 38 против 2), но министр народного просвещения Мусин-Пушкин разъяснил (10/VI-1906), что нельзя одновременно состоять членом Государственной думы и занимать государственную должность с определенным окладом содержания. Пока продолжалась дальнейшая переписка об оставлении Е. Н. в университете "без сохранения содержания", 1-я Государственная дума была распущена, а Е. Н. был приказом министерства уволен от службы, ввиду привлечения его к суду за подписание Выборгского воззвания. Министерство ответило отказом и на повторное ходатайство об оставлении Е.Н. Щепкина профессором в университете, поддержанное особенно настойчиво ректором Занчевским; оно в течение двух лет (28.VIII.1908 г.) не удовлетворяло даже бесспорного ходатайства о назначении Е.Н. Щепкину пенсии в половинном размере, вследствие исполнения 6 января 1906 г. 20-летнего срока его государственной службы, несмотря на указание Е. Н. (в заявлении ректору от 26.IX.1907 г.), что министерство не оспаривало прав на пенсию проф. Шершеневича и допустило к чтению лекций в качестве сверхштатных профессоров и приват-доцентов ряд других профессоров, подписавших Выборгское воззвание: Петражицкого в Петербургском, и Муромцева, Котляревского, Кокошкина и Новгородцева в Московском университете.

11 лет царское правительство не пускало Е.Н. Щепкина в университет. В это время он состоял профессором частных высших учебных заведений г. Одессы: Высших женских курсов и потом Международного института. Февральская революция 1917 г. вернула его снова в университет. Интенсивная политическая деятельность Е. Н. за последние три года его жизни не помешала ему вести в течение более двух лет и серьезную преподавательскую работу в университете. До конца он не переставал быть интересным и увлекательным профессором, тщательно подготовленным к каждой своей лекции. Об этой тщательности и необычайной добросовестности, с какой Е. Н. готовил свои курсы, свидетельствуют как отзывы слушавших его студентов и студенток и некоторые мои личные наблюдения, так и бумаги, оставшиеся после его смерти и содержащие массу конспектов к лекциям.

Лично я знал Е. Н. лишь за последние три года его жизни, когда он вернулся в университет, а проф. В.Э. Круссман, занимавший там перед тем кафедру всеобщей истории, перевелся осенью 1917 г. в Пермь. Его отношения ко мне были все время неизменно внимательными и доброжелательными. По личным воспоминаниям, Е. Н. рисуется мне, как большой эрудит, умелый руководитель, талантливый лектор, интересный собеседник и хороший старший товарищ.

Научная деятельность Е.Н. Щепкина сосредоточилась преимущественно на изучении трех вопросов, касающихся культурных и политических взаимоотношений России и Западной Европы: на русско-европейской дипломатической и военной истории половины XVIII века, на выяснении личности Лже-Димитрия I и на русско-варяжских отношениях. Исследования и статьи Е. Н. по этим вопросам, особенно по двум первым, основаны на изучении материалов, главным образом, Венского и Копенгагенского архивов. Остальные работы и научно-популярные статьи, написанные Е. Н., касаются вопросов методологии истории, социологии, феодальных отношений средневековой З. Европы, английской революции и контрреволюции XVII в., крепостного права З. Европы, восточного монашества и методики истории. Наконец, его перу принадлежит ряд тщательно подготовленных литографированных и рукописных курсов по истории Востока, Средних веков, нового времени и по социологии. Как научный исследователь Е. Н. изучал моменты тесного соприкосновения славянского Востока с германским Западом; как профессор по кафедре всеобщей истории он читал лекции и писал статьи и курсы не только по истории З. Европы в Средние века и новое время, но и по истории Востока и Византии, и был типичным представителем всеобщего историка в условно принятом смысле этого слова.

Е.Н. Щепкин не был особенно плодовитым писателем, как довольно многие всеобщие историки, не касался он и новых, неразработанных проблем, но предпочитал углубляться в изучение старых спорных вопросов, привлекая для решения их новые данные и применяя особые приемы разработки источников. По собственным словам, "он примыкает к тому течению в западноевропейской историографии, которое в исследовании по новой истории пытается внести интенсивные приемы, прочно укоренившиеся в научных трудах по античной жизни и Средневековью". По его мнению, "интенсивная разработка нескольких лет иногда успешнее может раскрыть пути исторического процесса или основные мотивы действующих лиц, нежели картина жизни за целый период, односторонне отвле-

ченная от наиболее доступных памятников и набросанная крупными мазками". Но при применении к изучению нового времени приемов медиевистов исследователь "должен искать такого оазиса, на возделывание которого затрачено уже много труда его предшественниками. Присоединив какой-нибудь новый источник или применив иной прием изучения, историк может тогда углубить исследование исторического события и обнажить еще несколько корней, ускользавших при экстенсивном научном хозяйстве"¹. В качестве такого оазиса Е. Н. и избрал дипломатическую историю в эпоху Фридриха II, написав по этому вопросу самую крупную свою работу, являющуюся его магистерской диссертацией: "Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746-1758 гг." (1902). Из новых данных он привлек все донесения и указы австрийской дипломатии в государственном архиве в Вене, раньше лишь частично использованные Л. Ранке, А. ф.-Арнетом, А. Шефером и А. Ноде, а для установления влияния русско-голландских отношений — материалы, хранящиеся в архиве датского министерства иностранных дел в Копенгагене. В другой работе "Wer war Pseudodemetrius I?" Е. Н., привлекая некоторые новые материалы, найденные им в западноевропейских архивах, пытался решить очень темный вопрос о личности Лже-Дмитрия I путем тщательной критики и сопоставления свидетельств русских, польских и немецко-голландских источников о нем. При изучении русско-варяжских отношений Е. Н. мастерски применял в широком масштабе сравнительно-исторический метод исследования, сопоставляя системы наследования у европейских народов первой половины Средних веков², денежные единицы, ходившие в Европе в эпоху кодификации обычного права, и скалы вир (славянскую, англосаксонскую, скандинавскую и варяго-русскую)³. Есть, наконец, у Е. Н. и специальная работа по исторической критике источников, посвященная вопросу об авторе начальной русской летописи: "Zur Nestorfrage", где он в частности сравнивает возникновение русской начальной летописи с развитием немецкой средневековой анналистики. Это сравнение подтверждает его вывод, что русская начальная летопись — плод коллективной работы ряда монахов, причем записи Нестора были лишь одним из многих источников при редакции этой летописи⁴. Таким образом, ценность главных исследований Е. Н. — прежде всего ценность методологическая.

¹Русско-австрийский союз. Предисловие, стр. VII.

²Порядок престолонаследия у древне-норвеж. конунгов, 1909 г.

³Варяжская вира, 1915 г.

⁴Archiv für slavische Philologie, B. XIX, S. 552 — 3.

Изошренность в критике исторических источников — наиболее сильная сторона в исторических работах автора.

Интенсивные приемы исследования, сторонником и мастером которых был Е. Н., являются, однако, лишь средством для историка при реконструкции им прошлой действительности. Восстановление исторической действительности из разрозненных фактов требует установления между ними связи и правильного их истолкования. В отношении исторического синтеза Е. Н. до революции придерживался психологического толкования исторических фактов. "По методу, заявлял он, мы примыкаем к началам психологического истолкования исторической жизни и придаем важное значение интенсивной разработке мотивов, направлявших деятельность лиц, групп и учреждений"⁵. Для него "истолкование исторических фактов, так называемая историческая интерпретация, сводится к установлению между предыдущими и последующими фактами психологически понятной для нас связи. Итак, цель интерпретации не искание исторических законов и следов их влияния, а прослеживание в событиях действия психических законов⁶. На значение идей в истории он смотрит также с психологической точки зрения: "Для историка-психолога идеи — только отвлечения от современной или ожидаемой действительности, т. е. мысли или желания отдельных мыслителей или целых общественных классов, даже народов; идеи — это естественным путем возникшие решения, цели и мотивы действующих в истории людей. Но мысли людей — единственные причины всякой исторической деятельности и событий. В этом смысле историческая жизнь направляется идеями, а историческая наука есть исследование идей, т. е. воли и действия исторических людей и человечества"⁷

Отношение между бытием и сознанием Е. Н. мыслит идеалистически: "Не сами исторические условия, пишет он, не состояния окружающей географической или экономической среды, а определенные взгляды на эти условия, своеобразная оценка их — направляют волю исторических деятелей. Все экономические, географические, этнологические условия, все исторически прошлое, даже чрезвычайные бедствия, как чума, землетрясение, голод, должны отразиться сначала в виде представлений, понятий и суждений о них в субъективном духе и только тогда могут как мотивы

⁵Русско-австрийский союз, стр. V.

⁶Вопросы методологии истории, стр. 5. Ср. Курс новой истории (литограф.), Одесса, 1903 г. стр. I и д.

⁷*Ibid*, стр. 39.

воздействовать на волю деятелей или толпы"⁸. Для него "сущность исторического процесса проявляется в воле человечества и отдельных лиц. Изучение человеческой воли на протяжении веков составляет прямой объект истории... Перелом от Средних веков к новым есть перелом в человеческой воле; ему предшествует переоценка ценностей". Воля, направленная в Средние века на интересы религиозные, с эпохи Ренессанса направляется на мирские интересы, на осуществление своей личности в мире. Открытия, колонизация, создание крупного капитала, государств и городов, гуманистические интересы — все это лишь различные цели для воли, направленной на мирские интересы⁹. Волонтаризм из психологии перенесен здесь в историю. "Воля поколений", "воля эпох" — это тот же "народный дух" историков-романтиков, лишь перешагнувший национальные рамки.

Считая психологию "родной почвой" для истории, Е. Н. находил нужным в качестве политического историка изучать "волевые организации и системы целей", "не только живые личности, но и некоторые общественные механизмы с своеобразными системами целей, каковы государство, церковь, сословия, правительство, династия, правящий класс, политическая партия, система политики, международный союз, далее национальность, общечеловеческая идея и т. п.". Он прагматик и сторонник взаимодействия исторических факторов. Он признает и большое значение экономического фактора, особенно в современной истории, но отвергает "крайности" экономического монизма. По его словам, "даже верно понятый массами экономический расчет только постепенно проектируется в заметный исторический процесс, медленно организуется в систему и лишь за крупные периоды лет дает себя чувствовать изменениями в социальном и политическом строе"¹⁰. Е. Н. сам уделял большое внимание экономическим и социальным отношениям в своих курсах и статьях о западноевропейском феодализме и в более поздних своих работах о русско-варяжских отношениях. Его исторические взгляды более гармонизировали с его народнической идеологией и с его политическим мировоззрением, как левого с.-р., каковым он был в 1917-19 гг. Насколько можно судить по некоторым устным его заявлениям, в последние два года (1919-20) своей жизни он довольно близко подошел к историческому материализму^{*}.

⁸Ibid., стр. 40.

⁹Курс новой истории, 1903 г., стр. 5-6.

¹⁰Русско-австрийский союз, стр. 111, V; Вопросы методологии истории, стр. 2-3; Курс новой истории, 1903 г., стр. 4.

^{*}См. ниже — Характеристика общественно-политической физиономии. Е. Н.

По социологии Е. Н. оставил лишь одну статью: "Социологическая оценка прогресса" (1914), где он излагает мнения, высказанные о прогрессе на XIII-ом конгрессе Международного института социологии, состоявшемся в 1912 г. в Риме, и часть напечатанного курса о социологии Герберта Спенсера. Сам автор названной статьи считает, на основании статистических данных о росте населения и увеличении средней продолжительности жизни в Европе за последние 150 лет, материальный прогресс установленным с достоверностью, как господствующее течение в новейшее время¹¹. Биологическую систему социологии Г. Спенсера, рассматривающего общество как организм, Е. Н. критикует с точки зрения психологической и исторической¹².

Магистерская диссертация Е. Н. "Русско-австрийский союз во время Семилетней войны" является главным его трудом по русско-европейской дипломатической и военной истории.

Общий вывод автора тот, что "жизнь и деятельность русского государства определялись не размером власти императрицы, признанной абсолютной, а силой, равнодействующей всем тем влияниям, которые преломляли ее самодержавную волю"¹³. В книге собрано много материалов для выяснения этих безответственных придворных влияний и темных сторон дипломатии старого порядка вообще.

Самая Семилетняя война (1756-63) описана Е. Н. в небольшой статье, помещенной в 57 т. Энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона (стр. 441-9). Описанию главных битв русских с пруссаками в эту войну и набега русских на Берлин в 1760 г. посвящена другая его статья, написанная в начале прошлой европейской войны: "До ворот и у ворот Берлина". В статье выяснена и измена из корыстных интересов героя этого набега — графа Тотлебена. Наконец, Е. Н. проанализировал "душевное настроение Фридриха Великого во время Семилетней войны", отметив изменчивость его настроений и его мысли о самоубийстве и господстве случая.

По военно-дипломатической истории у Е. Н. есть еще две статьи, посвященные походу Наполеона I в Россию в 1812 г.: "Russia under Alexander I and the Invasion of 1812" и "От Вильны до Смоленска. Взятие Смоленска". Кроме того, нужно отметить опубликованный им "Дневник Датского посольства Мальте Юля ко двору царя Михаила Федоровича в 1631 г." на немецком языке (Malte Juel, Relation und Bericht, Anno 1631 d. 18 Maij).

¹¹Социологическая оценка прогресса, стр. 320-4, ед. хр. 42, л. 9.

¹²Социология Г. Спенсера, стр. 1, 23, 57, 61 и др., ед. хр. 37, л. 122.

¹³Ibid., стр. 698.

По вопросу о личности Лже-Димитрия I Е. Н. написал на немецком языке работу: "Wer war Pseudodemetrius I?" и несколько статей и заметок с материалами, примыкающих к этой работе. обстоятельно проанализировав русские и западноевропейские источники по этому вопросу и ряд высказанных историками предположений о личности Димитрия I, Е. Н. выставляет свою интересную, стройную и очень вероятную гипотезу, что Лже-Димитрий I не был ни истинным царевичем Димитрием, сыном Ивана Грозного, убитым в Угличе в 1591 г., ни дьяконом Григорьем Отрепьевым ("Гришка Отрепьев"), жившим в 1600-2 гг. в одном из московских монастырей и у патриарха Иова; он был третьею, отличной от них личностью, прошедшей молодость в русских монастырях тоже под именем Отрепьева. Отрепьев № 2, считавшийся сыном Богдана Отрепьева № 2 (родословная Нелидовых-Отрепьевых знает двух Богданов: Богдана Ивановича с Углича и Богдана Елеазаровича с Галича), мог быть каким-либо знатным отпрыском, сыном какой-либо боярской семьи, преследуемой Борисом Годуновым, или незаконным сыном самого Ивана Грозного или царевича Ивана Ивановича. Его высокое происхождение способствовало как его личной уверенности в своих правах на русский престол, так и поддержке, оказанной ему русскими монахами, дьяками, беженцами на русско-польской границе, Вишневецкими и Мнишками в Польше, королем Сигизмундом III и иезуитами. Исходным пунктом построений Е. Н. является, главным образом, хроника Бусова, который, заимствуя свои сведения от Басманова и поляков, пришедших с Лже-Димитрием в Москву, одинаково отвергал и подлинность последнего, как царевича, и его тождество с "Гришкой", т. е. официальную версию московского правительства Бориса Годунова¹⁴.

Помимо массы приведенного и разобранный в работе: "Wer war Pseudodemetrius I?" материала, Е. Н. опубликовал часть его и отдельно: "Оценка материалов по истории Лже-Димитрия, найденных в Копенгагенском Архиве" (1896 г.) и "Краткие известия о Лже-Димитрии I" (1900 г.). Научно-популярное изложение истории Лже-Димитрия I дано им в статье: "Димитрий I". Наконец, Е. Н. сделал разбор книги иезуита П. Пирлинга: "La Russie et le Saint-Siège" (II-III, 1897-1901), краткий на немецком языке и подробный на русском под заглавием: "Политика пап-

¹⁴Archiv für slavische Philologie, В. XX, S. 275-6; В. XXI, S. 114-5; В. XXII, S. 321-2, 357 и т. д., 375, 381, особ. 419-20.

Оценка материалов по истории Лже-Димитрия, стр. 1-6.

Политика папского престола в Смутное время, стр. 348-9.

ского престола в Смутное время" (1901 г.). Он критикует взгляды Пирлинга, который в ранней своей работе "Rome et Demetrius" (1878) являлся защитником подлинности царя Димитрия I, а в новом своем исследовании "La Russie et le Saint-Siège" считает Димитрия самозванцем, великоруссом, сыном боярским Отрепьевым, православным монахом и тайным католиком. В разборе отмечены и нити, связывавшие Смутное время с политикой папского престола, и освещено отношение Лже-Димитрия I к католической церкви¹⁵.

Работа над тремя главными вопросами, занимавшими внимание Е. Н. как исследователя, протекала у него параллельно, основываясь на данных, добытых в западноевропейских архивах, музеях и библиотеках. Первая его статья о русско-варяжских отношениях "Скандинавский обряд погребения с кораблем" написана еще в 1894 г. В ней он на основании памятников древней скандинавской литературы и особенно археологических находок, сделанных в различных частях Норвегии и Швеции в течение второй половины XIX в., доказывает существование среди скандинавских народностей в эпоху викингов обряда погребения с кораблем, как с сожжением, так и без сожжения. Для русских археологов и историков скандинавский обряд погребения с кораблем важен при истолковании свидетельства арабского писателя Ибн-Федлана о похоронах знатного руса¹⁶.

Особое внимание на русско-варяжских отношениях Е. Н. сосредоточил в последний период своей научной деятельности. В интересных историко-юридических параллелях: "Порядок престолонаследия у древноревжских конунгов" (1909), опубликованных позднее и на немецком языке: "Das Erbfolgrecht bei den altslavischen Fürstehäusern" (1912), он, сравнивая системы престолонаследия у древних скандинавов, хорватов, чехов, поляков и русских, отмечает ряд пережитков родовых отношений у названных народов и различает сходства вследствие заимствования норвежских юридических норм от сходств "вследствие тождественного уровня социального роста"¹⁷.

Самой интересной и важной в научном отношении является последняя крупная работа Е. Н.: "Варяжская вира" (1915 г.). Она разделяется на две большие главы, из которых первая исследует "Вежи и бакены древнерусского денежного и весового обращения" (стр. 3-57), а вторая — "Скалы

¹⁵Политика папского престола в Смутное время, стр. 341 и д., 348-9; 351 и д.; Archiv für slavische Philologie, V. XXIII, S. 291-3.

¹⁶Журнал М. Н. Пр., 1894 г., сент., стр. 38-61.

¹⁷Порядок престолонаследия у древноревжских конунгов, особ. стр. 164-7 и д. 175-6 и д., 206 и д., 215-6.

вир — славянскую, англосаксонскую, скандинавскую, варяго-русскую (стр. 57-153). Изучив денежные единицы, ходившие в Европе в эпоху кодификации обычного права, и отмеченные скалы вир, автор устанавливает тождество русской виры в 40 гривен с англосаксонской "ценой мужа" в 40 марок, а не с норвежской, как думали другие исследователи. Древнеисландское право не знает этой нормы в 40 марок, в англосаксонских землях ее вводят норвежские викинги, а в Норвегию она проникает не позднее Кнута Великого, господствовавшего одновременно в 1020-35 гг. над Англией, Данией и Норвегией¹⁸. В спорных вопросах о трех редакциях "Русской Правды" и значении ее денежных выкупов за проступки Е. Н., в противоположность новому течению, представленному Сергеевичем и Гетцем, примыкает к господствующим в русской историко-юридической науке взглядам, выраженным, в частности, М.Ф. Владимирским-Будановым, Н. Рожковым и А. Пресняковым, что I и II редакции "Русской Правды" характеризуют правовые порядки XI-го в., а III редакция — XII в.¹⁹

Е. Н. до последних лет не переставал следить за скандинавско-русскими взаимоотношениями. В 1917 г. он написал статью о новостях шведских археологических журналов под заглавием: "Древнейшие сношения Швеции с Востоком". Исследования его по этому вопросу остались незаконченными. Нужно отметить еще его перевод с предисловием и примечаниями древнеисландской саги: "Гюнлейг Змеиный язык" (Gunnlaugs saga Ormstunga).

Кроме разработки трех отмеченных вопросов, Е. Н. в своей научно-педагогической деятельности уделял довольно много внимания изображению феодальных отношений, написав о западноевропейском феодализме несколько статей научно-популярного характера: "Феод и сеньерия", "Иерусалимское королевство", "Рыцарство" (2 статьи) и ряд курсов, напр.: "Лекции по средней истории, составленные слушательницами I курса исторического отделения Женских педагогических курсов под ред. проф. Е.Н. Щепкина (Одесса, 1903 г.), и "Курс истории Средних веков (Древнейший быт европ. народов. Происхождение феодализма в Италии. Крестовые походы), составл. слушательницами 4-го курса историко-филологич. фак. под ред. проф. Е.Н. Щепкина" (I-II ч., Одесса 1908-9 г.). Е. Н. здесь правильно отличает феодализм в социологическом смысле как стадию развития при переходе от родового быта к государственному, от феодализма в историческом смысле, как видового понятия, приложи-

¹⁸Варяжская вира, особ. стр. 124-5, 127, 133-4, 141 и д., 152-3.

¹⁹Ibid., стр. 93-4 и д.

мого к отдельным странам средневековой Европы: Франции, Англии, Германии и Италии (Курс 1908-9 г., II ч., стр. 83-4). При разборе же разных теорий он обыкновенно является эклектиком.

По новой истории Е. Н. любил останавливаться на истории Англии в XVII в. и написал об этом две научно-популярные статьи: "Борьба партий при создании Английской республики" и "Контрреволюция Англии". Статьи основаны на изучении всей главнейшей литературы.

Наконец, у Е. Н. есть ряд статей по отдельным вопросам научно-педагогического и научно-популярного характера: "Максимальная схема средневековой и новой истории Англии в курсе средних учебных заведений" (1893 г.); "К. Гиллебранд, историк-публицист 1824-89", где отмечено участие последнего в Баденском восстании 1849 г.; "Падение крепостного права в Западной Европе", описанное, главным образом, по работе Г. Кнаппа об освобождении крестьян в Пруссии, и "Аскетизм христианского Востока", единственная его статья по истории Византии, которой он занимался довольно много и по которой читал и курсы²⁰.

Таковы в самых кратких и общих чертах результаты научной деятельности Е.Н. Щепкина²¹. Мастерство методов исследования, тонкая критика источников, переоценка значения человеческой воли и увлечение крайностями психологической школы, углубление в старые спорные вопросы, преобладание интереса к всеобщей политической истории, прагматизм при построениях и обилие фактов при изложении — вот основные его черты как историка-исследователя и историка-профессора.

---

²⁰За недостатком места я не останавливался на ряде мелких печатных отзывов и отчетов, вроде "Постановки преподавания всеобщей истории в Венском университете. Из отчетов о командировке за летний сем. 1896 г.", помещ. в Ж. М. Н. Пр. и др. изд.

²¹О научной деятельности Е.Н. Щепкина имеются краткие отзывы двух прежних одесских профессоров-историков, П.М. Бицилли: "Тридцатилетие научной деятельности проф. Щепкина" (Одесский листок, 6 января 1916 г., № 5) и А.В. Флоровского: "Памяти Е.Н. Щепкина" (Народное просвещение, №№ 6-10, 1922 г., стр. 68-9).